

Палашевская И. В. Аксиологические основания юридического дискурса : аксиомы права / И. В. Палашевская // Научный диалог. — 2017. — № 11. — С. 144—156. — DOI: 10.24224/2227-1295-2017-11-144-156.

Palashevskaya, I. V. (2017). Axiological Foundations for Legal Discourse: Axioms of Law. *Nauchnyy dialog, 11*: 144-156. DOI: 10.24224/2227-1295-2017-11-144-156. (In Russ.).

УДК 81'42:[340.114:167.4]

DOI: 10.24224/2227-1295-2017-11-144-156

Аксиологические основания юридического дискурса: аксиомы права

© Палашевская Ирина Владимировна (2017), orcid.org/0000-0002-2719-8147, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры иноязычной коммуникации, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Волгоградский государственный университет» (Волгоград, Россия), irina_777@volsu.ru.

Статья посвящена аксиомам права как ценностно-регулятивным основаниям юридического дискурса, объясняющим выбор действий и предписывающим развитие коммуникативных событий в институциональной среде. Аксиоматика юридического дискурса и его разновидностей привлекает сегодня широкий круг исследователей. Это обусловлено представлениями о том, что ценностные начала выступают связующим компонентом любого институционального сообщества, а также тем, что юридические дискурсивные практики в их разновидностях являются способом утверждения и постоянного воспроизводства ценностных смыслов, которые опосредуют отношение общества к закону и его представителям. Автор показывает, что аксиомы права функционируют в виде лаконичных, стилистически оформленных, афористически сжатых речений, то есть готовых формул-символов институциональной культуры. Выделяются лингвистически-релевантные конститутивные признаки аксиом права (прецедентность, прескриптивность, обобщённость, афористическая лаконичность и др.), их специфические функции (кумулятивная, регулятивная, информативная и символическая) как прецедентных жестов институциональной культуры. Описываются типологические и коммуникативные характеристики данных единиц в прагматическом аспекте, способы их текстопостроения как императивных высказываний. Анализируется влияние данных ценностных феноменов на построение скриптов институционального взаимодействия, ментальные модели должного участия в дискурсе, на внутреннее устройство институциональной жизни и её речедетельностное проявление. Уделяется внимание ценностным трансформациям на уровне неформального аксиоматического пласта институциональной культуры.

Ключевые слова: юридический дискурс; аксиомы права; институциональная культура, ценности.

1. Аксиомы права: конститутивные признаки

В ценностном пространстве юридического дискурса выделяются обобщенные ценностно-нормативные структуры, которые управляют институциональной деятельностью без опоры на дифференциацию участников и ситуативных контекстов. В качестве такого рода руководящих начал, основополагающих линий деятельности выступают аксиомы права.

Аксиомы права признаются в качестве самоочевидных истин. Это простейшие юридические суждения эмпирического уровня, сложившиеся в результате многовекового опыта институциональных взаимодействий [Манов, 1986, с. 29—36]. Данные единицы обладают универсальной семантикой, сфера их референции не ограничена во временном, пространственном и событийном планах. Благодаря универсальности заключаемого в них опыта и его выражения в лаконичных, стилистически оформленных, афористически сжатых предложениях аксиомы права функционируют в виде готовых формул-символов институциональной культуры. В них выражены представления о праве, практике его реализации в форме готовых утверждений, вариантов решений различных юридических вопросов.

Обладая такими свойствами, как прецедентность, прескриптивность, предельная обобщенность, приоритетность перед иными нормативными установлениями, рассматриваемые единицы выполняют кумулятивную, регулятивную, информативную и символическую функции. Роль аксиом как прецедентных феноменов в юридическом дискурсе двойка. С одной стороны, они отсылают к своим источникам — текстам древних статутов, высказываниям жрецов правосудия (например, высказываниям римских юристов в Дигестах Юстиниана). С другой стороны, приобретая автономный статус, они избавляются от ассоциативных связей с текстовым пространством законов прошлого, с конкретными казусами и со своими авторами и, в качестве прецедентных единиц, вновь служат основой для построения новых текстов. Благодаря своему автономному статусу, аксиомы уже принадлежат уровню правовой абстракции — символическим словесным формулам. В случае своей актуальности данные единицы в том или ином виде закрепляются в качестве принципов права (принцип добросовестности, юридического равенства, гарантированности государством прав и свобод человека и гражданина, возмещения государством всякого ущерба, причиненного личности незаконными действиями государственных органов и должностных лиц, и др.) и служат аргументом различных

институциональных действий. Сохраняя преемственность опыта в диалектическом развитии права от одного исторического типа к другому, данные единицы выполняют кумулятивную функцию [Ференс-Сороцкий, 1998, с. 30]. Аксиогенная сущность аксиом права обуславливает их взаимопроникновение в содержание друг друга, позволяет выступать в качестве регулятивных начал, основой формирования институциональной деятельности в виде обобщенных правовых предписаний. То, как, каким именно образом может быть удовлетворено то или иное предписание, зависит от его конкретизации нормами поведения. Так, например, представление о справедливости включает идею равенства сторон перед правосудием, что является принципом состязательного судопроизводства, ценностным началом судебного «процесса по правилам» (*fair trial*), предполагающим построение по модели противных сторон. Данный принцип утверждает, в частности, право стороны защиты участвовать в исследовании доказательств, представляемых суду. Право обвиняемого на справедливый суд включает право допрашивать показывающих против него свидетелей и право на то, чтобы эти свидетели были допрошены судом (ст. 6 п. 3 «d» Европейской Конвенции «О защите прав человека и основных свобод»). Соответственно суд посредством нормативно закрепленной процедуры призван обеспечить реализацию данных прав в судебном дискурсе. Нарушение судебной процедуры означает посягательство на правовые ценности и обуславливает незаконный приговор, предвзятый суд и, возможно, безвинное осуждение.

2. Коммуникативные характеристики аксиом права

Аксиомы права выражают определенные коммуникативные намерения, сводимые к известной формуле для семантической экспликации императивов такого рода — «следуй данному правилу», реализующей одновременно прескриптивное и деонтическое высказывание. Существует множество дискурсивных форм обращения, в рамках которых передаются волевые решения относительного желаемых или нежелаемых действий и соответствующие оценки этих действий. При формулировании аксиом права используются обобщенные констатации: *Consensus facit jus* — Согласие творит закон. Констатирующие суждения могут принимать форму логического определения: *Право государства — высший закон* или иносказания: *Каким тебя нахожу, так о тебе и сужу* (сентенция предписывает судить за преступления независимо от происхождения, социального статуса лица, подлежащего рассмотрению). Несмотря на форму утверждения, такого рода высказывания являются императивами. Так, классическим примером опровержения утверждения *Правосудие соблюдает только истину* служит суд гелиастов над

Сократом. То, что действительно данное текстуальное утверждение означает, так это то, что 'правосудие должно соблюдать только истину'. Аксиомы могут принимать форму рекомендаций, относимых к категории нежестких норм, оперирующих различными типами ситуативных коллизий: *Лучше десять виновных простить, чем одного невиновного наказать*. Вместе с тем такого рода суждения сопоставляют контрадикторные, фактически несовместимые ситуации (дизъюнкты), одна из которых является единственно возможным решением сомнений. Оценочные слова здесь заключают в себе прескриптив, «лучше» — знак воли, ориентир, одобрение, обоснование выбора, что и составляет императивный аспект рекомендации [Арутюнова, 1988, с. 254]. Компаративные единицы служат целям смягчения категоричности побуждения, снижения степени оказания прямого воздействия на адресата: *Satius est petere fontes quam rivulos* — Лучше искать источник, чем ручейки (принцип непосредственности исследования доказательств). Однако, представляя две возможности, сентенция допускает реализацию лишь одной из них. Используемое в ней ценностное сравнение альтернатив вводит в фокус то, что следует осуществить. Оценочно-мотивированные прескрипции принимают самые различные формы. Аксиомы права могут быть выражены в форме оценочных идентифицирующих определений, в которых вводится необходимый признак для выявления идеального образа действия. При этом модальный способ фиксации верхнего предела достижения необходимого качества часто строится по принципу антитезы: *Тот закон наилучший, который меньше всего оставляет на усмотрение судьи* (что является результатом ясности, однозначности) или, например, *Тот судья наилучший, который берет на себя меньше всего*. Оценочные интенсификаторы содержат модальные значения необходимости, составляющие императивный аспект аксиоматичных высказываний. Аксиомы права содержат модусы:

— запрета: *Justitia nemini negende est* — Никому не отказывается [нельзя отказывать] в правосудии; *In propria causa nemo iudex* — Никто не судья [не может быть судьей] в собственном деле; *Lex non deficit in justitia exhibenda* — Закон не имеет [не должен иметь] пробелов, когда речь идет о предоставлении правосудия;

— вменения в долг: *Judicis est jus dicere, non dare* — Право судьи — отправлять правосудие (говорить право), а не издавать законы (а не творить);

— предпочтения: *Semper in dubiis benigniora praeferenda sunt* — Сомнения в делах предпочтительнее истолковывать радушнее, то есть в пользу обвиняемого;

— предостережения: *Est autem vis legem simulans* — Сила также может маскироваться под закон; *Summum ius est summa injuria* — Высшая спра-

ведливость есть высшая несправедливость (сентенция предостерегает, что следование букве закона без учёта специфики ситуации может породить несправедливое решение).

Принимая форму правил поведения, они допускают схематизацию по типу «Если..., то...»: *Actōre non probante reus absolvitur* — При недоказанности иска ответчик освобождается (Если иск не доказан, то...).

3. Функционально-типологические характеристики аксиом права

По функциональному критерию в аксиоматическом пространстве юридического дискурса выделяются разнообразные группы, утверждающие ценность права и его институтов, заключающие в себе требования к правотворческой, правоприменительной деятельности, толкованию права, принципы участия в дискурсе, ценностно-регулятивные начала построения его событийной структуры, скриптов коммуникативного поведения.

Так, к аксиомам, утверждающим верховенство права, можно отнести следующие: *Jus est ars boni et aequi* — Право есть искусство добра и справедливости; *Lex est norma recti* — *Law is the rule of right* — Право есть господство того, что является правильным; *Nemo ignorāntia juris recusāre potest* — Никто не может отговариваться незнанием права.

Аксиомы законотворчества включают сентенции: *Ubi jus incertum, ibi nullum* — Если закон не определён, закона нет; *Simplicitas est legis amīca* — Простота — подруга законам; *Absoluta sententia expositōre non indiget* — Ясное значение не требует объяснения; *Fraus latet in generalibus* — Обман кроется в общих выражениях; *Frustra ferēntur leges nisi subditis et oboedientibus* — Бесполезно издавать законы, если им не покоряются и не подчиняются; *Lex est dictātem ratiōnem* — Закон — диктованное разумом; *Ad impossibilia lex non cogit* — Закон не требует невозможного; *Lex non praecipit inutilia* — Закон не предписывает бесполезное; *Non obligāt lex nisi promulgāta* — Закон не обязывает, если он не обнародован.

Многие из единиц данной группы соотносятся с максимами кооперативности, осознаваемыми в условиях коммуникативного сбоя («максима информативности, или количества», «максима истинности, или качества», «максима релевантности», «максима ясности») П. Грайса [Grice, 1975, p. 45—47]. Формулы «будь кратким, но полным», «будь релевантным», «будь ясным и прямым» отвечают универсальным требованиям социальных взаимодействий. Отсюда и язык законов обусловлен требованиями языковой экономии, ясности и однозначности выражаемого в них смысла. Вместе с тем выделенные максимы как выразители стремления к совершенству законодательных текстов свойственны буквальному пониманию

текста закона, как заключающего единственно возможный смысл. При таком подходе применяющий закон руководствуется формально-логическими алгоритмами квалификации, следуя принципу «нет преступления без указания в законе». Однако существует иной подход, согласно которому смысл нормы может выступать как существующее вне текста и не предполагающее единственно верное понимание. Задача правоприменителя заключается в приближении к этому смыслу посредством обычая и судебного прецедента, большое значение при этом имеют ценностные суждения и личные мнения судьи [Мальцев, 2007, с. 623—652]. Различие данных подходов обуславливает наличие противоречивых сентенций: *Dura lex sed lex* — Закон суров, но это закон (сентенция предписывает следовать букве закона); *Non dubium est in legem committēre eum, qui verba legis amplexus contra legis nititur voluntātem* — Без сомнения, нарушает закон тот, кто, истолковывая слова закона, устремляется против воли закона; *Nēmīnem opōrtet esse sapientiōrem legibus* — Никто не должен быть умнее законов. Толкование должно быть добросовестным, учитывающим интересы всех заинтересованных сторон. *Interpretātio fienda est ut res magis deleat quam pereat* — Толкование должно делать право действенным, а не бездейственным.

Аксиомы исследования доказательств в суде охватывают единицы типа *In iudiciis non remota sed proxima causa, spectātur* — В суде принимается во внимание не отдаленная, а ближайшая причина, то есть обстоятельством дела может считаться только то, что имеет связь с рассматриваемым случаем. *In re dubio benigniorem interpretationem est* — Сомнения в делах предпочтительнее истолковывать радушнее, то есть в пользу обвиняемого; *Manifesta probatiōne non indigent — Things manifested do not require proof*; *Res ipsa loquitur* — Факты говорят сами за себя; *Nihil habet forum ex scena — The court has nothing to do with what is not before it* — Суд ничего не держит за сценой (требование обязательного представления и исследования в суде доступных первоисточников доказательственной информации). Это же требование заключено в сентенциях: *Non refert quid notum sit iudice si notum non sit in forma iudici — It matters not what is known to the judge, if it is not known to him judicially* — Судья не должен решать дело на основании внесудебного личного знания его обстоятельств. *Testes ponderāntur, non numerāntur* — Свидетелей взвешивают, а не считают (доказательства содержательны, и потому единственный способ их оценить — прибегнуть к внутреннему убеждению судей).

К процессуальным началам построения дискурса относятся: *Ei incumbit probatio qui dicit, non qui negāt; Affirmānti, non negānti, incumbit probatio* —

The proof is incumbent upon the one who affirms, not on the one who denies — Доказывание возлагается на того, кто утверждает, а не на того, кто отрицает; *Testis unus — testis nullus* — Один свидетель — не свидетель; *Testis oculātus unus plus valēt, quam auriti decem* — Один видевший (очевидец) имеет ббольшую силу, чем десять слышавших; *Nemo iudex in re sua* — Никто не может быть судьёй в своем собственном деле; *Nemo tenētur accusāre se ipsum* — Никто не обязан сам себя обвинять; *Nemo potest esse simul actor et iudex* — *No one can be at once suitor and judge* — Никто не может быть одновременно тяжущимся и судьей; *Justitia debēt esse celeris, quia dilatio est quaedam neq̄tatio* — Правосудие должно быть скорым, ибо промедление есть что-либо отказываемое и др.

4. Аксиоматика скриптов коммуникативного поведения в институциональной культуре

Ценностные начала обуславливают специфику построения скриптов коммуникативного поведения. Дискурсивные практики выражают ценностное сознание институциональной общности и влияют на него. Так ценностная доминанта «признание» обуславливает существование подтекстных оценочных презумпций, признаваемых в качестве самоочевидных истин: *Обвиняемый, как правило, виновен; Невинный оговаривать себя не станет; Обвиняемый при признании говорит правду, а при отрицании заведомо лжет; Если обвиняемый не может предоставить оправдывающие его доказательства, значит, их нет; Обвиняемый, как правило, стремится обмануть суд, ввести его в заблуждение; Признание обвиняемого — главное доказательство; Следствие не ошибается* и т. п. Логика такого рода аксиоматических суждений активизирует соответствующие ожидания должного поведения лица, привлеченного к рассмотрению: *Ваша честь! Прежде чем высказаться о доказанности, квалификации и правовой оценке содеянного, хочу заметить, что находящийся на скамье подсудимый занял странную позицию. Вместо того чтобы раскаться в содеянном, рассказать суду о совершенном преступлении, А-нов пытается выставить себя чуть ли не жертвой происшедшего. Его позиция не что иное, как способ защиты. И это его право. Но, как показывает судебная, да и жизненная практика, окончательное решение по делу во многом зависит от самого подсудимого, его поведения на предварительном следствии и в суде, отношения к совершенному преступлению, раскаяния, других человеческих факторов. Поскольку А. находится здесь на скамье подсудимых за умышленное убийство человека и за это деяние он заслуживает заслуженного суро-*

вого наказания в соответствии с законом... (фрагмент из обвинительной речи, 2007).

Следует заметить, что ментальные модели должного участия в дискурсе находят свою экспликацию уже на уровне решения коммуникативного пространства зала суда, в способе локализации в нем участвующих лиц, обуславливающим траекторию и модальность коммуникативных связей. Однако наиболее явно они выражены в способах дискурсивных практик, судебной риторике.

Аксиоматические единицы, охватывающие способы участия в дискурсе, можно разделить на единицы с моральным и утилитарным содержанием. Первые сосредоточены на долге, репутации и достоинстве. Вторые, представляя собой обобщенные правила внешней целесообразности (чтобы достичь такого результата, нужно поступать так-то), сосредоточены на представлениях о разумности, здравом смысле, соображениях эффективности, целесообразности. Пренебрегая данными принципами, участник дискурса демонстрирует свою несостоятельность: неадекватно оценивает ситуацию, не реализует свои возможности, отстает в своей прогностической деятельности относительно хода мыслей процессуального противника. Если моральные высказывания связаны с непричинением вреда другим, то утилитарные — с непричинением вреда самому себе: *Expressa nocēt, non expressa non nocēt* — Сказанное вредит, не сказанное — не вредит; *Nihil fit sine ratiōne sufficienti* — Ничто не должно делаться без достаточного основания; *Nemo sapiens, nisi patiens* — Никто не мудр, если не терпелив; *Quod dubitas, ne feceris, In dubio abstine* — *When you doubt, do not act* — Сомневаешься — не действуй и т. п.

Фундаментальным этическим началом в теории состязательного процесса является принцип субъектно-субъектного построения взаимодействия, выраженный в требовании «равенства средств нападения и защиты» (*Prima pars aequitatis aequalitas* — Важнейшее свойство справедливости есть равенство). Данный принцип выражает идею о том, что «в обществах, которые верят в то, что частное лицо (индивид) является безусловным хранителем существующих ценностей, его статус в отношении большинства остается неоспоримым, даже когда его обвиняют в совершении преступления. Оно не будет объектом чьих-то целей или жертвой политических игр, но равным партнером в правовом споре...» [Монгое, 1998, р. 61].

Этика «честной борьбы» в ходе предварительного следствия и в зале суда предполагает отказ от ряда принципов целесообразности в пользу этических принципов, выражаемых запретами совершать действия, унижающие честь и достоинство участника дискурса, разглашать сведения

об интимных сторонах его жизни, добиваться целей путем угроз, шантажа и т. п. Принцип «честной игры» предполагает использование открытых, рассчитанных на взаимопонимание средств достижения цели. Смысл действия не должен быть скрыт, не должен требовать усилий по распаковке. Правила прямого, перекрёстного допроса, передопроса табуируют реализацию манипулятивных интенций при формировании юридической истины. Вместе с тем та или иная сторона по делу, стремясь лишить аудиторию возможности использовать свое отношение к спорному факту, нередко прибегает к «недобросовестным» приемам, маскирующимся под акты с легитимными задачами. Манипулятивное действие, характеризующееся интенциональной и интерпретативной двуплановостью, актуализует тактики провокационного общения, иронии, дискриминирующих дискурсивных практик в ходе дискредитации свидетеля, намеренного искажения информации с целью вызвать адресата на уточнения, наведение на необходимые показания с помощью навязываемых логико-семантических следствий, выступающих в качестве «ловушек», и т. п. Проведенный нами анализ текстовых фрагментов (142) стенограмм заседаний судов РФ (2002—2011 гг.) демонстрирует, что большинство манипуляций сознанием судебной аудитории сводятся преимущественно к логике ассоциативных соответствий и имплицитно навязываемых семантических следствий [Палашевская, 2012, с. 168—171]. Это говорит о том, что в условиях борьбы стороны стремятся вложить в выражение речевых форм выгодное им содержание. На первый план в рассматриваемом типе общения выступают аксиоматические принципы целесообразности и законосообразности коммуникативных поступков. Данные принципы требуют построения стратегии, адекватной сложившейся ситуации, и выбора тактик отстаивания своих интересов «в рамках закона». Взаимодействие в ситуациях, где цели участников несовместимы, провоцирует использование противника в качестве средства, что, противореча основному закону этики, актуализирует субъектно-объектное построение дискурса. В этом плане реализация определенных ходов напоминает «китайские стратагемы», связанные с отвлекающими маневрами, изматыванием противника, созданием условий, при которых время работает против него, и т. п. Известные тактико-тактические комбинации в ходе предварительного следствия и судебного разбирательства свидетельствуют о том, что участники дискурса нередко руководствуются аксиомой «честно то, что не противоречит закону». Тактические приемы борьбы в следственной практике, например, включают «раздробление сил противника» («разжигание конфликта» между соучастниками преступления); «метод угроз» (например, предупреждение обви-

няемого или подозреваемого о применении к нему мер процессуального принуждения); «заманивание в ловушку» (формирование у подследственного целей, попытка достижения которых поставит его в невыгодное положение); «захват врасплох» (например, следователь сознательно «попадает» на уловки преступника, в результате чего тот на некоторое время закрепляет «удавшийся» образ действий, а следователь в решающий момент при допросе, обыске или иных действиях использует это); формирование у подследственного намерения воспользоваться негодными средствами противодействия расследованию (например, имея бесспорные доказательства пребывания подозреваемого на месте преступления, следователь не препятствует попыткам виновного создать себе мнимое алиби или, располагая уличающим документом, допускает уничтожение преступником его копии и использует этот факт в подходящий момент); «введение в заблуждение» (оставление в неведении относительно имеющихся у следователя доказательств либо создание преувеличенного представления о них; создание препятствий для правильной оценки заинтересованными лицами подлинных целей следователя) [Ратинов, 2001, с. 157—163].

Ценностно-регулятивные начала интерпретируются через набор повседневных коммуникативных практик, которые образуют то, что называют «живым правом». Практический интерес вызывает то, как работает тот или иной аксиоматический принцип, какие устойчивые регулярности, закономерности наблюдаются, как тот или иной комплекс регулятивных начал становится технологией решения правовых вопросов. Изучение реальных практик в сфере институциональной коммуникации позволяет выявлять живые ценностные доминанты институциональной культуры, то, каким образом интерпретируется и воплощается официально декларируемая ценностно-регулятивная основа деятельности в тех или иных ситуациях дискурса. С данных позиций интерес на уровне неформального аксиоматического пласта институциональной культуры вызывают ценностные трансформации или переходы той или иной ценности в противоположную, что находит выражение в ироничных перифразах, или приращениях известных сентенций. Например, *Строгость закона смягчается его толкованием* или *Незнание закона не освобождает от ответственности, а знание — освобождает*, то есть по одному и тому же делу можно обеспечить ряд взаимоисключающих решений, как говорят юристы: «в рамках действующего законодательства».

Таким образом, занимая особое место в ценностном пространстве юридического дискурса, аксиомы права находят выражение в воспроизводимых языковых формулах прескриптивного характера, фиксируют в сво-

ей семантике обширный пласт институционального знания, служат основой для построения и обоснования акциональных последовательностей в различных разновидностях юридического общения. Между ценностно-регулятивными началами нет непреодолимых границ. Ценность может переходить в свою противоположность. Компромисс ценностей выражается в особом рода регулятивных началах, занимающих промежуточное положение между полярными ценностями. Так, принцип недопустимости разглашения сведений, составляющих предмет адвокатской тайны, и долг перед судом обуславливает возникновение неформального принципа «защитник должен говорить не всю правду, но правду». Вместе с тем в процессе взаимодействия существенны не только целесообразность дискурсивных средств, но и соответствие этих средств, как и самих выбранных целей, системе институциональных ценностей. Данная связка (средства — цели — ценности) в рассматриваемом типе общения требует от его участника проявления определенной гибкости в выборе средств, «оправдываемых» целью и легитимируемых ценностями.

Источники

1. *Конвенция о защите прав человека и основных свобод* (Рим, 1950) (с изм. от 13.05.2004) [Электронный ресурс] // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации. — Режим доступа : <http://legalacts.ru/doc/konventsija-o-zashchite-prav-cheloveka-i-osnovnykh/>.
2. *A dictionary of Latin and Greek quotations, proverbs, maxims and mottos, classical and medieval* / ed. by H. T. Riley. — London : George Bell and Sons, 1891. — 622 p.
3. *Maxims of law from Bouvier's 1856 Law Dictionary* [Electronic resource] // The Lawful Path. — Access mode : <http://www.lawfulpath.com/ref/bouvier/maxims.shtml>.
4. *Peloubet S. S. A collection of legal maxims in law and equity* / S. S. Peloubet. — New York : George S. Diossy, 1880. — 332 p.

Литература

1. *Арутюнова Н. Д.* Типы языковых значений : оценка, событие, факт / Н. Д. Арутюнова. — Москва : Наука, 1988. — 338 с.
2. *Гарапон А.* Хранитель обещаний : суд и демократия / А. Гарапон. — Москва : NOTA BENE, 2004. — 328 с.
3. *Зорин Г. А.* Руководство по тактике допроса / Г. А. Зорин. — Москва : Юрлитинформ, 2001. — 320 с.
4. *Карасик В. И.* Культурные доминанты в языке / В. И. Карасик // Языковой круг: личность, концепты, дискурс. — Волгоград : Перемена, 2002. — С. 166—206.
5. *Мальцев Г. В.* Социальные основания права / Г. В. Мальцев. — Москва : Норма, 2007. — 800 с.

6. Манов Г. Н. Аксиомы в советской теории права / Г. Н. Манов // Советское государство и право. — 1986. — № 9. — С. 29—36.
7. Палашевская И. В. Судебный дискурс: функции, структура, нарративность : монография / И. В. Палашевская. — Волгоград : Парадигма, 2012. — 346 с.
8. Ратинов А. Р. Судебная психология для следователей / А. Р. Ратинов. — Москва : Юрлитинформ, 2001. — 352 с.
9. Ференс-Сороцкий А. А. Аксиомы в праве / А. А. Ференс-Сороцкий // Известия высших учебных заведений. Правоведение. — 1998. — № 5. — С 27—31.
10. Grice H. Logic and Conversation / H. Grice // Syntax and Semantics. Vol. 3. Speech Acts. — New York : Academic Press, 1975. — P. 41—58.
11. Monroe H. Freedman [Electronic resource] / H. Monroe // Our Constitutionalized Adversary System. Chapman Law Review. 1998. — 57. — Access mode : <http://digitalcommons.chapman.edu/chapman-law-review/vol11/iss1/3>.

Axiological Foundations for Legal Discourse: Axioms of Law

© Palashevskaya Irina Vladimirovna (2017), orcid.org/0000-0002-2719-8147, Doctor of Philology, associate professor, professor of Department of Foreign Language Communication, Volgograd State University (Volgograd, Russia), irina_777@volsu.ru.

The article is devoted to the axioms of law as a value-regulatory foundations for legal discourse, explaining the choice of actions and directing the development of the communicative events in the institutional environment. Axiomatics of legal discourse and its types today attracts a wide range of researchers. This is due to the idea that values are the binder component of any institutional community, and the fact that legal discursive practices and their types are a way of approval and constant reproduction of value meanings, which mediate society's attitude to the law and its representatives. The author shows that the axioms of law are function in the form of concise, stylistically organized, aphoristically compressed utterances, that is, ready-made formulas-symbols of institutional culture. Linguistically-relevant constitutive signs of the axioms of law (precedent, prescriptively, generality, aphoristic brevity, etc.), their specific functions (cumulative, regulatory, informative and symbolic) as the precedent texts of the institutional culture are distinguished. The typological and communicative characteristics of the units in a pragmatic aspect, methods of text-construction as imperative statements are described. The impact of these value phenomena on forming the scripts of institutional interaction, on mental models of appropriate participation in the discourse, on the inner workings of institutional life and its speech and action manifestation is analyzed. Attention is paid to value transformations at the level of informal axiomatic formation of institutional culture.

Key words: legal discourse; law axioms; institutional culture; values.

Material resources

Konventsiya o zashchite prav cheloveka i osnovnykh svobod (Rim, 1950) (s izm. ot 13.05.2004). *Zakony, kodeksy i normativno-pravovye акты Rossiyskoy*

- Federatsii*. Available at: <http://legalacts.ru/doc/konventsija-o-zashchiteprav-cheloveka-i-osnovnykh/>. (In Russ.).
- Maxims of law from Bouvier's 1856 Law Dictionary. *The Lawful Path*. Available at: <http://www.lawfulpath.com/ref/bouvier/maxims.shtml>.
- Peloubet, S. S. 1880. *A collection of legal maxims in law and equity*. New York: George S. Diossy.
- Riley, H. T. (ed.). 1891. *A dictionary of Latin and Greek quotations, proverbs, maxims and mottos, classical and medieval*. London: George Bell and Sons.

References

- Arutyunova, N. D. 1988. *Tipy yazykovykh znacheniy: otsenka, sobytiye, fakt*. Moskva: Nauka. (In Russ.).
- Ferens-Sorotskiy, A. A. 1998. Aksiomy v prave. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Pravovedeniye*, 5: 27—31. (In Russ.).
- Garapon, A. 2004. *Khranitel obeshchaniy: sud i demokratiya*. Moskva: NOTA BENE. (In Russ.).
- Grice, H. 1975. Logic and Conversation. In: *Syntax and Semantics. Vol. 3. Speech Acts*. New York: Academic Press. 41—58.
- Karasik, V. I. 2002. Kulturnyye dominanty v yazyke. In: *Yazykovoy krug: lichnost, kontsepty, diskurs*. Volgograd: Peremena. 166—206. (In Russ.).
- Maltsev, G. V. 2007. *Sotsialnyye osnovaniya prava*. Moskva: Norma. (In Russ.).
- Manov, G. N. 1986. Aksiomy v sovetskoy teorii prava. *Sovetskoye gosudarstvo i parvo*, 9: 29—36. (In Russ.).
- Monroe, H. 1998. Freedman. *Our Constitutionalized Adversary System*. *Chapman Law Review*. 57. Available at: <http://digitalcommons.chapman.edu/chapman-law-review/vol1/iss1/3>.
- Palashevskaya, I. V. 2012. *Sudebnyy diskurs: funktsii, struktura, narrativnost*. Volgograd: Paradigma. (In Russ.).
- Ratinov, A. R. 2001. *Sudebnaya psikhologiya dlya sledovateley*. Moskva: Yurlitinform. (In Russ.).
- Zorin, G. A. 2001. *Rukovodstvo po taktike doprosa*. Moskva: Yurlitinform. (In Russ.).